

Въ это время въ русской литературѣ замѣтно уже пробужденіе духа критицизма. Нѣкоторые старые авторитеты начали уже покачиваться. Въ 1802 году Карамзинъ написалъ статью «Пантеонъ Россійскихъ Авторовъ». Въ ней ни слова не сказано о живыхъ писателяхъ—о Державинѣ и Херасковѣ, ибо это считалось тогда неприличнымъ; также ни слова не сказано о Петровѣ, хотя уже со дня смерти его прошло болѣе трехъ лѣтъ; можно догадываться, что Карамзинъ не хотѣлъ возстановлять противъ себя почитателей этого поэта, къ которымъ принадлежали всѣ грамотные люди, и въ то же время не хотѣлъ хвалить его противъ своего убѣжденія. Эта литературная уклончивость была въ характерѣ Карамзина. Въ «Пантеонѣ» было въ первый еще разъ высказано справедливое сужденіе о Тредьяковскомъ. Вотъ что говорить о немъ Карамзинъ:

„Если бы охота и прилежность могли замѣнить дарованіе, кого бы не превзошелъ Тредьяковский въ стихотворствѣ и краснорѣчій? Но упрямый Аполлонъ вѣчно скрывается за облакомъ для самозванцевъ-поэтовъ и сыплетъ лучи свои единственно на тѣхъ, которые родились съ его печатью. *Не только дарованіе, но и самый вкусъ не приобретается; и самый вкусъ есть дарованіе. Ученіе образуетъ, но не производитъ автора.* Тредьяковский учился во Франціи у славнаго Роллена; зналъ древніе и новыя языки; читалъ всѣхъ лучшихъ авторовъ и написалъ множество томовъ въ доказательство, что онъ... не имѣлъ способности писать.“

Сужденіе Карамзина о Сумароковѣ мягче и уклончивѣе, нежели о Тредьяковскомъ; но тѣмъ не менѣе оно было страшнымъ приговоромъ колоссальной славы этого пигмея.

„Сумароковъ еще сильнѣе Ломоносова дѣйствовалъ на публику, избравъ для себя сферу обширнѣйшую. Подобно Вольтеру онъ хотѣлъ блистать во многихъ родахъ, и современники называли его нашимъ Расиномъ, Мольеромъ, Лафонтеномъ, Буало. *Потомство не такъ думаетъ; но, зная трудность первыхъ опытовъ и невозможность достигнуть вдругъ совершенства, оно съ удовольствіемъ находитъ многія красоты въ твореніяхъ Сумарокова и не хочетъ быть строгимъ критикомъ его недостатковъ. Уже намъ не курится передъ кумиромъ; но не тронемъ мраморнаго подножія; оставимъ въ цѣлости и надпись: Великій Сумароковъ!...* Соорудимъ новыя статуи, если надобно; но будемъ разрушать тѣхъ, которыя воздвигнуты благородной ревностью отцовъ нашихъ!..“

Замѣчательно, что Карамзинъ ставилъ въ недостатокъ трагедіямъ Сумарокова то, что «онъ старался болѣе описывать чувства, нежели представлять характеры въ ихъ эстетической и нравственной истинѣ», и что, «называя героевъ своихъ именами древнихъ русскихъ князей, не думалъ сообразать свойства, дѣла и языкъ ихъ съ характеромъ времени.» Нельзя не увидѣть въ такихъ за-

мѣчаніяхъ сужденія необыкновенно умнаго челоѣка и великаго шага впередъ со стороны литературы и общества. Правда, Карамзинъ находитъ многіе стихи въ трагедіяхъ Сумарокова «нѣжными и милыми», а иные даже «сильными и разительными»; но не забудемъ, что всякое сознание развивается постепенно, а не родится вдругъ, что Карамзинъ и такъ уже видѣлъ неизмѣримо дальше литераторовъ старой школы, и сверхъ того онъ, можетъ быть, боялся, что ему совсѣмъ не повѣрятъ, если онъ скажетъ истину вполне или не смягчитъ ея незначительными въ сущности уступками.

Остроумная и ѣдкая сатира Дмитріева «Чужой Толкъ» также служитъ свидѣтельствомъ возникшаго духа классицизма. Она устремлена противъ громогласнаго «одошнѣ», которое начинало уже досаждало слуху. Поэтъ заставляетъ въ своей сатирѣ говорить одного старика съ такой «любезной простотой дѣдовскихъ временъ»:

Что за диковинка? лѣтъ двадцать ужъ прошло,
Какъ мы, напргнши умъ, наморщивши чело,
Со всеусердіемъ все оды пишемъ, пишемъ,
А ни себѣ, ни имъ похвалъ нигдѣ не слышимъ!

Ужели выдалъ Фебъ свой именной указъ,
Чтобъ не дерзалъ никто надѣяться изъ насъ
Быть Флакку, Рамлеру и ихъ собраты равнымъ,

И столько жъ, какъ они, во пѣснопѣньи славнымъ?

Какъ думаешь!.. Вчера случилось мнѣ слышать
И ихъ, и нашу пѣснь: въ ихъ... нечего читать!

Листочекъ, много три, а люблю какъ читаешь—
Не знаю, какъ-то самъ какъ будто бы лѣтаешь!

Судя по краткости, увѣренъ, что они
Писали ихъ рѣзвась, а не четыре дни;
То какъ бы намъ не быть еще и ихъ счастливымъ!

Когда мы во сто разъ прилежнѣй, терпѣливѣй,
Когдѣ нашъ начнетъ писать, то всѣ забавы прочь!

Надъ парой стиховъ просиживаетъ ночь,
Потѣтъ, думаетъ, чертитъ и жжетъ бумагу;
А иногда беретъ такую онъ отвагу,
Что цѣлый годъ сидитъ надъ одою одной!
И подлинно, ужъ весь приложить разумъ свой!

Ужъ прямо самая торжественная ода!
Я не могу сказать, какого это рода,
Но очень полная—иная въ двѣсти строфы!
Судите жъ, сколько тутъ хорошихъ есть стиховъ!

Къ тому жъ, и въ правилахъ: сперва предложенье,
Тутъ предложеніе, а тамъ и заключенье—
Точь-въ-точь, какъ говорятъ учены по дерквямъ!

Со всѣмъ тѣмъ нѣтъ читать охоты—вижу самъ.

Возьму ли, напргмъ, я оды на победы,
Какъ покорили Крымъ, какъ въ морѣ гибли шведы!

Всѣ тутъ подробности сраженья нахожу,
Гдѣ было, какъ, когда, короче я скажу: